

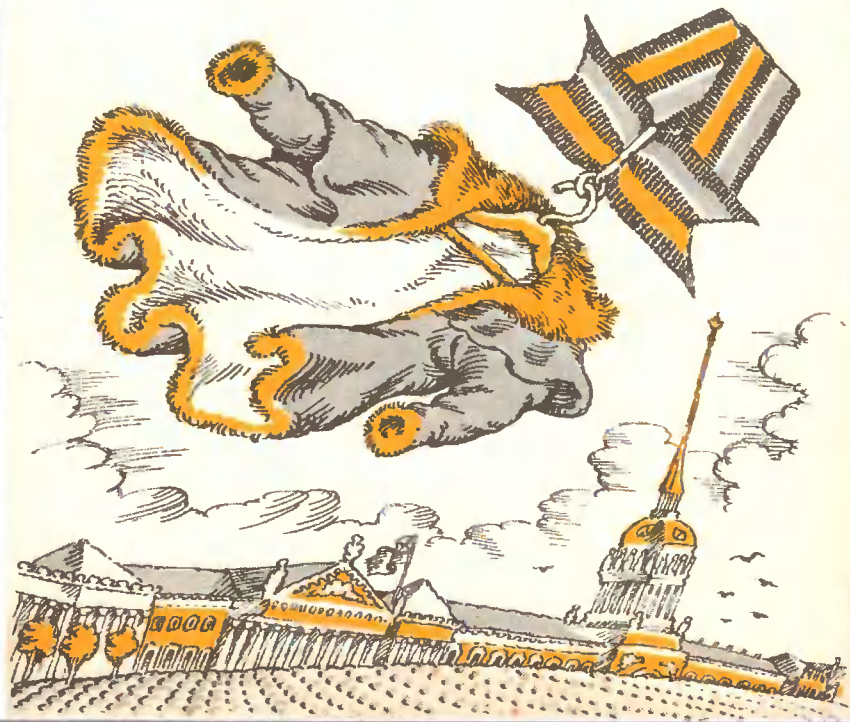

№ 6

Николай ИСАЕВ

ПОЧЕТНАЯ ШУБА

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 6. 1—48.

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Литературное кредо для юмориста — вопрос темный. Если нам удастся договориться об этом в самых общих чертах, то со временем, возможно, удастся опубликовать слово «темный» впереди.

И тогда на академический вопрос: «Почему артиллерия не стреляла?» — у нас появятся интеллектуальные предпосылки для академического же ответа: «Во-первых, не было снарядов, а во-вторых...»

Н. Исаев

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

№

6

(1066)

ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА.

Николай ИСАЕВ
**ПОЧЕТНАЯ
ШУБА**

Повесть, рвссквзы

Рисунки С. ТЮНИНА.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989

О ПОВЕСТИ НИКОЛАЯ ИСАЕВА «ПОЧЕТНАЯ ШУБА»

«Писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным». В повести «Почетная шуба» Николай Исаев «признал над собой» два закона, своей творческой фантазии и гоголевской традиции. Именно она есть высший закон повести, она «вводит в берега» авторское повествование, сама его безудержность — в рамках традиции — приобретает культурную строгость и чистоту. Н. Исаев создал, по сути дела, художественный комментарий к Гоголю, показал актуальность гоголевского художественного метода.

Повесть имеет культурологическое значение как один из необходимых узлов в нитях русской литературы. В то же время эта повесть не есть просто функция «от» наследия Гоголя. Стихия свободы и смеха, наполняющая произведение, придает ему неповторимость и прелесть новизны. Тень Гоголя, осеняющая повесть, — легкая, прозрачная, а не гущеная, и атмосфера повести исполнена духа свободы и противоречия.

В известной повести Шамиссо «История Петера Шлемеля» рассказывается о герое, у которого пропала тень. Своя тень существует и у каждого крупного литературного явления. Гоголевская «Шинель» была в этом смысле «тенью» «Станционного смотрителя», а «Бедные люди» представляют собой, в свою очередь, как бы «тень» «Шинели». При этом своеобразии литературной «тени» заключается в том, что она не просто воспроизводит контуры своего источника, но представляет собой оригинальное преобразование его, осуществленное на новом культурном витке и отражающее новый момент исторического развития.

Фантастическая, гротесковая традиция, освященная в русской литературе именем Гоголя, подтвердившая свою плодотворность творчеством М. Исаева, безусловно, сказала в повести Н. Исаева.

Целый ряд такого рода произведений можно назвать, например, в японской литературе (не случайно не так давно состоялся международный конгресс, посвященный рецепции Гоголя в Японии).

Повесть начинается и в значительной своей части строится как внутренний монолог чиновника Темлякова, идущего по Невскому проспекту.

Тема пушкинско-гоголевского Петербурга — это другая сторона повести Н. Исаева, в которой особенно четко просматривается не «историческая», а «современная» задача автора. Петербург Н. Исаева — это обобщенная картина «вечного города», нарисованная нашим современником. Эта картина свободно допускает анахронизмы: с одной стороны, как бы гоголевский Петербург, по крайней мере Пушкин уже живет на Мойке, а с другой — Никита Муравьев еще только собирается принять за русскую конституцию и венценосное письмо подписано Александром I. В то же время она не допускает фальши против духа и языка времени. Текст явно пропитан речевой и событийной (например, Скороходы в Летнем саду) стихией эпохи, чувствуется глубокое знакомство Н. Исаева с русской печатью 1820—1830-х годов, знакомство не исследовательское, а писательское.

Событийная сторона повести фантастична, гротескова. Она написана в свободной, импровизированной манере. Появление на страницах Белужей Башки, Блюда Щучины и Осетриной Спины придает повести фольклорно-карнавальный характер.

Повесть может удивить читателя в первый момент. С произведениями, подобными этому, читатель сталкивается не каждый день. Но, преодолев первое удивление и сделав некоторое небольшое усилие, необходимое для полного понимания текста, безусловно, непростого и требующего даже некоторой подготовки, читатель будет вознагражден знакомством с новым звеном непрерывающейся цепи русского комического движения.

*Академик, доктор филологических наук Д. С. ЛИХАЧЕВ
Доктор филологических наук А. М. ПАНЧЕНКО*

ПОЧЕТНАЯ ШУБА,

ИЛИ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ, С ТЕМ ЧТОБЫ ОН СОВЕРШЕННО НАХОДИЛСЯ МЕЖДУ ФОНТАНКОЮ И МОЙКОЙ

«Если воды кавказских источников (кислые и противные) призваны внезапно излечить (впрочем, не уступающие швейцарским) личность, часто совершенно обнимаемую предсмертной истомой (часто между тем курортники образуют группы для прогулок по галерее, но это не должно обманывать), то воды невские целительно влияют на состояние общины нашей государственности, лелея высокоглавую столицу нашу, ласкаясь, как дитя, к строгим ее гранитным берегам.

И если Санкт-Петербург стоит на болоте, изумляя во время практических упражнений кадетов-топографов, то саму нашу столицу этим совершенно не удивить!..

Не удивись ничем подобным и лучших мужей ее!..»

Так говорил себе под нос надворный советник Петр Иванович Темляков, выходя на Невский проспект в час утренней зрелости.

И черт-те как приятно выписывать сцену, в коей все — Кавказ, столица и Петр Иванович...

Вот что значит вдруг раздобыть у Фортуны такого героя, как Петр Иванович! Сколько раз уж приходилось писать о всякой дряни — и дрянь выходила!

А как же иначе? Из чего возьмешь кроить, из того и сошьешь!

А тут вот наконец Петр Иванович, надворный советник. Подполковник в блестящих переводах «Табели о рангах». Признаюсь, нигде я не видывал такого хорошего пера, как в «Табели о рангах Российской империи».

Итак, Петр Иванович вышел на Невский проспект!

Встреча двух столь замечательных явлений повелительно требует вдохновения метафизика, но, увы...

Пробую, пробую возместить его добросовестностью, усердием и особым тщанием отделки выбранных скрижалей.

Невский проспект, милостивые государи, образован прямой линией — царицей начертательной геометрии.

Представьте же затруднение обстроить прямую линию домами — и вот вам Невский проспект во всем своем великолепии!

Надворный советник Петр Иванович Темляков принадлежал к индивидуумам солнечного типа, то есть имел лицо открытое, благородное, спокойное, где безмятежно отдыхали возможные пропорции. Взгляд его был повелительный, твердый, но не оскорбительный. Голову Петр Иванович держал прямо и не закидывал. Волосы были длинные, мягки, белокуры, с золотым отливом.

Петр Иванович обладал главным характерным признаком — способностью смотреть на солнце.

— Не боюсь я цветущих и блестящих Антониев и Делабелл, — говорил себе Юлий Цезарь.

Думаю, и Петра Ивановича Цезарь не побоялся бы, но приблизил.

— Но я опасаясь худых, бледных и мрачных лиц Брутов и Кассиев, — продолжил Цезарь.

Именно такое лицо или лучше — полностью гусь высунулся в этот момент из полуподвала мясной лавки купца Драмоделова.

Петр Иванович не любил этого гуся, так как знал за ним обыкновенное участвовать в собственных куплях-продажах, дожидаться пиროвания, положить на сковородку, и под видом жаркого лежать в расписном блюде, слушая пьяные песни и выкрики. А как его съедят, опять вставать из косточек и ходить с прежним видом по хозяйскому двору.

Таким образом, гусь постоянно находился где-то между Лакомством и Воздержанием, но не мог быть причислен и к лагерю умеренных...

Вот ведь в какой раз и я убеждаюсь в скверности этого гуся!!! Перебил мне всю заутреню! В кармане-то у Петра Ивановича письмо...

Господи, и какое письмо!!!

Да вот все никак не соберусь с духом распечатать для публики.

Государь наш самодержец написал Петру Ивановичу Темлякову письмо, содержание которого и привожу ниже с тем чувством священного трепета, кое присуще всякому, кто притрагивается к тем или иным промыслам нашего государя.

Письмо гласило:

«Боже милостиво,

МЫ АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, ИМПЕРАТОР и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса-Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смо-

ленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Белостокский, Карельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский и иных, Государь и Великий князь Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Обдорский, Витебский, Мстиславский и вся Северная страна Повелитель и Государь Иверской, Грузинской, Кабардинской земли и области Армянской, Черкесских и Горских князей и иных Наследный Государь и Обладатель; и проч., и проч., и проч.

НАШЕМУ надворному советнику Петру Ивановичу Темлякову.

В воздаяние, всегда НАМ известного Вашего отлично усердного служения, и во изъявление НАШЕЙ признательности ревностному Вашему исполнению возложенных на Вас особых поручений, Всемилостивейше ЖАЛУЕМ Вас Почетною Шубою с Нашего Плеча, кою при сем препровождаю, пребываем к Вам Благодарны. ПОВЕЛЕВАЕМ вам возложить ПОЧЕТНУЮ ШУБУ на себя и носить по установлению.

На подлинной подписано Собственной Его Императорского Величества рукой так:

Александр».

Ниже была приписка: «За шубою зайти в Адмиралтейство, спросить Артебякина».

Шуба с Царского Плеча!

Кто о ней не мечтал, кто ее не нашивал (мысленно), скача в метель по бесконечным дорогам обширной земли нашей, резвясь в игровом поле посредине матушки-зимы с одноусобными помещиками, стоя на часах с капсулем у порохового склада, пробираясь по Мойке в департамент, стремясь пленить чернобровую красавицу при театральном разезде.

Да-с, милостивые государи, Почетная Шуба с Царского Плеча принадлежит к тому особому роду шуб, которые уже и не шубы вовсе, а как бы надземные пушистые существа, дарящие тепло вечное, некие дельфины, стремящие и уносящие...

Между тем Петр Иванович столкнулся нос к носу с малознакомым ему архитектором Трезини, отстроившим к тому времени бастион в Петрокрепости, а теперь кивнувшим Петру Ивановичу, приняв его за петербургского интенданта.

С минуту они постояли молча, после чего Трезини принял направление, избранное Петром Ивановичем, и зашагал с ним рядом.

— Есть сюжеты, — сказал Петр Иванович, имея в виду почти полученную им Шубу с Царского Плеча, — которые родясь в высших сферах и достигнув проявления, оставляют по себе навсегда невозможность вторичного проявления в первой степени совершенства, не назначая даже и бесконечного ряда точек возможного приближения...

Трезини смертельно обиделся и резко отошел от Петра Ивановича, наказав себе отныне избегать петербургского интенданта.

— Как в них сильно еще все это греческое... — отметил для себя

Петр Иванович, имея в виду архитекторов Трезини и Ф. Валлен-Деламонта. — Рим тверже и корректнее, но сегодня я не согласен и с Римом!

То, что он не согласен сегодня и с Римом, привело Петра Ивановича в совершеннейшее расположение духа, и он некоторое время (минут семь-восемь) прошел, исключительно отдавшись несогласию с Римом, чем тотчас же заслужил несколько дамских взглядов, после чего приступил к развitiю удачно начатой тезы.

— В уставе римских театров изъявление неумеренного неодобрения приравнялось к изъявлению столь же неумеренного одобрения и запрещалось. Изъявившие же не разлучались с тюрьмой от 2 до 6 месяцев.

— Слава богу! — невольно воскликнул Петр Иванович. — Что в России, на бескрайних равнинах ее фундамента, изъявление неумеренного одобрения не противно футляру юстиции.

— Господи! — продолжал Петр Иванович. — И как же не изъявлять неумеренного одобрения, когда взгляд, отпущенный навстречу окружающей действительности на два шага и далее, так и тонет в благополучных происшествиях.

И Петр Иванович на самом деле отпустил взгляд свой на волку: направо от него блестела свежеемытая витрина книжной лавки, на коей помещался лубочный портрет императрицы Елизаветы Петровны, запрещенный к продаже (ввиду явного безобразия) пристрастной цензурой.

Но Петр Иванович узнал Елизавету Петровну, несмотря на неудачность художественного приема. Он узнал, так сказать, главное.

— Елизавета Петровна, как раз иду мимо... — объяснил Петр Иванович и переложил беспристрастный взгляд налево.

Там, на мостовой, ревнитель булыжного уложения склонился над кувшином на малом огне.

— Чего ты варишь? — спросил Петр Иванович.

— Деготь томлю, ваше превосходительство, — отвечал костровой.

— Что ж ты хочешь от утомленного дегтя? Говори смело! Я сам слушаю нашему Государю!

— Уж больно черен станет, тем и хорош, ваше превосходительство, — отвечал костровой.

Петр Иванович одобрительно кивнул и распространил взгляд свой вдоль по проспекту к Адмиралтейству. Трое молодых офицеров, резко жестикулируя и поминутно смеясь, чуть не снесли с ног Петра Ивановича, так что он был принужден спросить, что занимает их воображение с такой притягательной силой.

— С сегодняшнего дня фортификация разделена суть на две части: полевую и долговременную, — отвечали офицеры.

— Отчего ж эта простая мысль не пришла ко мне в голову?! — воскликнул Петр Иванович.

— Каждый из нас задаст себе этот вопрос! — воскликнули офице-

ры.— Стало быть, вы не откажетесь пойти с нами напиться пьяными с инженерами? Обещали, что будет и настоящее бургундское (в команде всегда съестся острослов — непременно найдет случай упомянуть бургундское)!

— Молодость, молодость! Крылья альбатросовы! — с этим рассуждением о главных предметах человеческой жизни Петр Иванович повернул на Фонтанку.

Вот пишешь «повернул на Фонтанку» — и самому не верится, что уже и на Фонтанку добралось драматическое действие.

Иного героя пока соберешь в Петербург, издержишь две уймы чернил и бумаги, и еще неизвестно, доберется ли? А Петр Иванович, надворный советник, только шагнул — и уже на Невском, честно сказать, и на Фонтанку не собирался сворачивать, а напрямки хотел в Адмиралтейство за шубой, да на Фонтанке собралась порядочная толпа, и слышалось из нее явственно: «Скореходы! Скореходы!»

— Что ж это еще за Скореходы?! — свернул Петр Иванович на Фонтанку.

Проходя мимо дома Муравьевых, Петр Иванович заприметил в окне Никиту Муравьева, по-летнему, в одной белой рубашке, писавшего, по минутно чиркая, русскую Конституцию.

Что ж, я думаю, отчего не писать конституции, сам бы писал, да сбыта мало: снести в наши журналы — истребят по-свойски, на театр — не возьмут, разве что для бенефиса... а известно, каковы разговоры с бенефициантами!..

«Странная все ж таки река Фонтанка, — думал Петр Иванович. — Решительно не встретишь ни одного фонтана в дороге».

На балконе дома Нарышкиных сидел Дидро, с интересом наблюдая жизнь северной столицы, и, хотя дом Нарышкиных в высшем смысле никак не мог выходить на Фонтанку, но обаяние великого гуманиста было безгранично...

Петр Иванович раскланялся с Дидро.

Лишь у входа в самый Летний сад, наконец, Петр Иванович добился положительного разъяснения народостечения: когда у него спросили серебряный рубль за место без кресла.

Во всю длину Летнего сада, между двумя аллеями, бегал Скореход. В 11 верстах от себя назначил он себе свидание с победой чрез три четверти часа.

— Счастливая столица! — воскликнул Петр Иванович, доплачивая четыре рубля за кресло в первом ряду (диван для трех особ был по двадцати пяти рублей, кресла во втором ряду по два с полтиной).

— Счастливая столица! — воскликнул Петр Иванович. — Топот Скореходов с утра наполняет ее коммуникации так же естественно, как шум морского прибоя!

Скореходы, могущие сегодня пробежаться вихрем, создающие вокруг себя моральную ауру прогресса, наглядного движения — сколь

физического, столь и нравственного, — завтра из столицы перебегут в окрестные губернии, благотворно заражая своим примером...

Может же моровая язва, или проще — холера, распространяться с отличной быстротой, не предполагая в каком-нибудь человеке особенного к ней расположения, и равно пристаёт к людям всякого возраста и всякого темперамента.

Отчего же не получится у скореходов?!

Холера не происходит от свойств атмосферной температуры, ее опустошения одинаковы во все времена года.

Отчего бы и скореходам?!

Она не есть следствие сырости: живущие в местах низменных не более гибнут, нежели альпийские стрелки Иль-де-Франса...

Она не происходит от испорченного воздуха, ибо целые семь лет сряду появляется на самых противоположных местах Азии с разной злокачественностью.

Она, наконец, не заносится ветрами, но весьма часто распространяется в направлении, противоположном ветреному!

Это ведет к заключению, что холера сообщается от одного человека к другому по законам, ей свойственным и нам неизвестным.

То же должны устроить между собой скореходы для повсеместного распространения!

Вот так всегда с подполковниками! Первые друзья парадоксов!

Давно уже у меня припасена мысль (думаю, не уместно ли будет как-нибудь продавить после на могильной плите), что подполковники для России есть то же самое, что кокосовая пальма для южных стран...

Роскошные вечнозеленые кроны!

Смело можно сказать, что население множества приморских городов обязано своим существованием кокосу, непрерывно питающему круглый год.

В отношении России, я разумею, Подполковник доставляет (и тоже круглый год) столь же обильную пищу: умственным провиантом, моральными припасами, отвечая самым разнообразным потребностям общества.

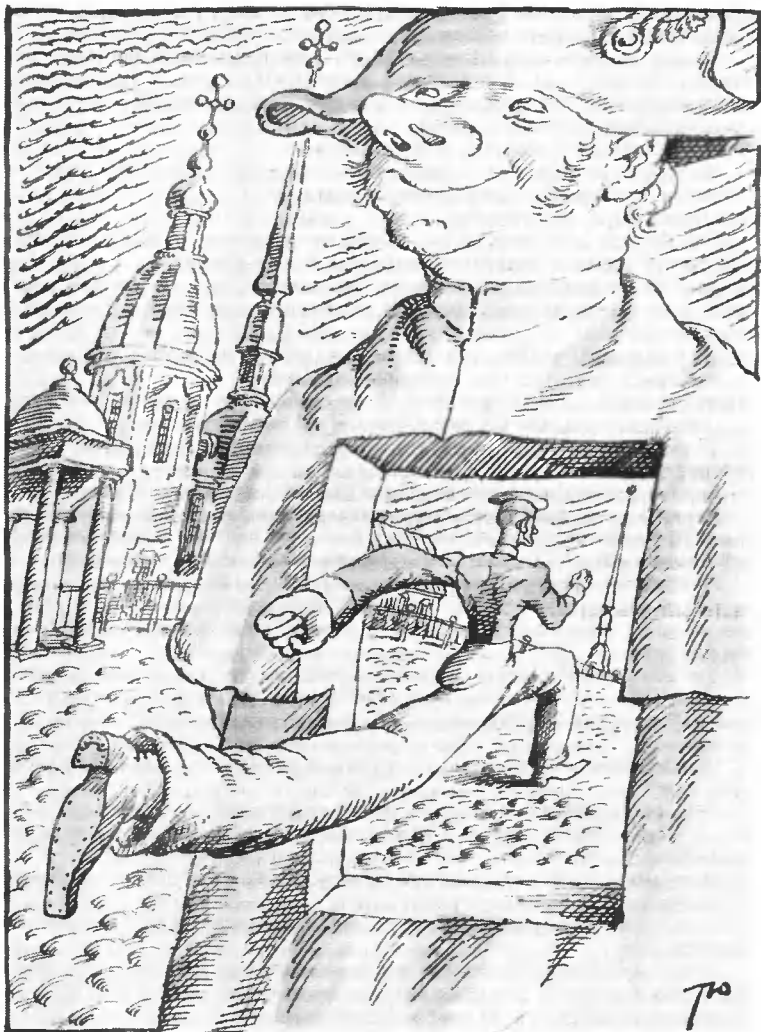
Но как достать плоды, столь высоко растущие? — затруднения у подполковия пальмы.

В общении с Подполковником таких затруднений нет и быть не может. У Подполковников что в голове, поет добрый народ наш, то и на языке.

Из пальмы можно не только построить корабль с веслами, парусами и снастями, но и взять в дорогу рацион.

То же самое представляет собой капитан второго ранга для любого экипажа.

Конечно, из подполковников не нагонишь кокосового масла (в Гамбурге оно идет за 25 марок центнер и, стало быть, дороже нашего конопляного и льняного), но зато любой подполковник может купить се-

бе в рядах конопляного масла столько, что не приснится вечером всему невнятному Цейлону.

Между тем Скороход прекратил пробеги и адресовал публике извинения, что не уложился в назначенный срок исполнения прежних намерений, касательно одиннадцати верст и три четверти часа: с утра он уже был принужден много ходить по Петербургу по делам гражданственным и семейным, а потому изнемог на силах...

Сборы были великолепные.

Петр Иванович, освеженный пробегами скороходов, продолжил свое движение навстречу шубе, покроя которой и происхождение... (Водятся, водятся еще на этом свете шубы!)

Тут же припомнилась Петру Ивановичу статья в утреннем номере газеты о том, что в Дании датский же капитан-лейтенант фон Колленг нашел средство из морской воды дистиллировать пресную. И будто бы Шлезвиг-Гольштинское патриотическое средство принялось изучать сей аппарат со всем тщанием, доступным в Шлезвиг-Гольштинии.

— Есть ли в датской службе капитан-лейтенанты? — прикидывал Петр Иванович. А если и есть благодаря своему все ж таки полуостровному положению, то откуда же взяться в Шлезвиг-Гольштинии патриотическому обществу?..

Вторая статья в утренней газете извещала о прибытии в Петербург среди прочих и осьмилетнего англичанина.

Приезд в столицу осьмилетнего англичанина был для Петра Ивановича совершеннейшей загадкой.

Каковы намерения осьмилетнего британца?

Не последует ли следом прибытие среди прочих второго осьмилетнего англичанина?!

— Надо бы порасспрашивать у мальчиков из лавок, может, они уже сошлись с ним коротко, и он открылся им или как-нибудь неосторожно обмолвился... — решил Петр Иванович и тут же свернул в казармы Измайловского полка (хотя крюк был немалый) в первую роту, где продаются у нас славные соленые огурцы, прямо подле школы гвардейских подпрапорщиков, лучшие вкусом и всего по 60 копеек за десяток бочек.

Выбежал навстречу мальчик, спросил адрес у Петра Ивановича, и будет ли брать десятками, сотнями, либо на тысячи?

Петр Иванович назначил отнести к себе один боценок и дожидаться его прихода, чтобы лучшим образом поговорить о привычках осьмилетнего англичанина.

Выйдя из казарм измайловцев, Петр Иванович почувствовал непреодолимое желание зайти к своему испытанному другу и учителю, действительному тайному советнику — генерал-майору Ардальону Ардальоничу Треснулову, чье имя у каждого на слуху. Да и немудрено: Ардальон Ардальонич отыскал в короткий срок три потерянные речи Цицерона, доказал теорему, астрономическое же время по Треснулову для людей чиновных есть лучшее время их жизни...

Вот к какому человеку завернул Петр Иванович. Застал он его по обыкновению в постели с 30 пыльятами, так как по указанию врачей боролся со своей подагрой живым теплом, исходившим от тел будущих кур.

— Сегодня всех их велю отправить на кухню! — сказал Ардальон Ардальоныч при появлении Петра Ивановича. — А сам на часок закутаюсь в Вашу Почетную Царскую Шубу и хвори моей — как не бывало! Одолжите на часок? — подмигнул Ардальон Ардальоныч, и Петр Иванович не смог не подивиться представшему перед ним образу осведомленности и проницательности.

— Читали ли вы сегодняшние газеты? — тут же спросил Треснулов, и Петру Ивановичу ничего не оставалось, как изумиться сердцем во второй раз: и осьмилетний англичанин не ускользнул от Ардальона Ардальоныча.

— Читал, — отозвался Петр Иванович. — И не нахожу удовлетворительных объяснений.

— О том ли вы? Гете прислал при вежливом письме переводчице стихотворений его, госпоже Панкук, в Париж серебряную медаль, выбитую по случаю празднования юбилея его в Веймаре.

— Корректный поступок великого германца, — одобрительно кивнул Петр Иванович.

— Признаюсь, я не читал сегодняшних газет... Но живо вижу, как великий германец укладывает медаль, надписывает конверт: «В Париж», сверху сыплет песком для верности, а там на лошадях — вон из Веймара.

Хоть бы один день, уломать чертей, пожить как Гете; пробуждение неизвестно от чего голубым утром, записывание приснившейся строфы из второй части на черепаховую бумагу, обязательный час географии, познание в серебряный колокольчик с требованием ужина, потом спросить очищенных ядер сладкого миндаля, 4 фунта ржаной и картофельной муки, по полфунта масла розового, златоцветного и яминного, 4 фунта мускусовой эссенции, 6 унций жидкого перуанского бальзама и 60 гранов розовой и коричневой эссенции и — тщательно растереть полученной смесью кожу. Юная кожа начинает буквально струиться под пальцами.

Оттого Гете свеж, как говорят, как утро.

— А что вы скажете, Ардальон Ардальоныч, о приезде сегодня в нашу столицу среди прочих осьмилетнего англичанина? — с волнением спросил Темляков.

— Позвольте, я объясню сам, — раздался голос слишком чистый в русском произношении, чтобы быть русским, и в полосе света проявились черты быстрой, как ртуть, фигуры.

— Отчего в газетах вы выдаете себя за осьмилетнего англичанина, в то время как вы значительно более зрелый англичанин? — подозрительно спросил Петр Иванович голосом, не позволявшим в ответе скороспелой лжи.

— Оттого, что Гаррисон, мой старый школьный товарищ, построил хронометр, — отвечал осьмилетний англичанин, — пытаюсь создать прибор для легчайшего и вернейшего средства определения долготы мест на море... Этим я хочу сказать, что с определением точного времени всегда какие-нибудь истории. Увы, мне далеко не восемь лет, а скорее осьмнадцать, если не считать тех десяти лет, которые не удалось в нравственном отношении совершенно, и, тем не менее, 30 лет для мужчины — это его время!

— Да, 30 лет для мужчины... — согласился Треснулов и Темляков.

— Господа, — между тем продолжал англичанин, — жизнь моя такова, что может ежесекундно прерваться вследствие действия неблагоприятных обстоятельств. Если бы я был деревом в Йорке, то уже десятки раз вырывался бы с корнем из почвы... Возрождаюсь же я путем более смутным, чем фениксов. Легендарная возрождалась из пепла, я — из ничего. И тем не менее однажды счастье улыбнулось и мне. Я собственноручно спас нашего доброго короля во время его произвольного купания в море и получил патент на привилегию уникальную, привилегию, которую можно разделить исключительно с членами королевской фамилии... Господа! (Англичанин встал.) Привилегии, дарованные мне, таковы, что я могу без особого дозволения являться во дворце Сент-Джеймском и выезжать в экипаже в круг в Гайд-Парке!..

Но увы... мне никогда не явиться в Сент-Джеймсе с девизом импровизации на гордом челе. Чрезвычайные обстоятельства мои таковы, что я решил продать патент на эту привилегию...

Быстрые, как ртуть, черты британца побелели.

— Однако я оставляю себе в залог моего будущего возрождения патент на взезд в круг в Гайд-Парке.

Быстрые, как ртуть, черты лица британца гордо заалели.

— Отчего же в этот чрезвычайный час я обращаюсь к вам?.. — Он устремил свой твердый взгляд на Петра Ивановича. — Оттого, что вам нынче пожалована русским венценосцем шуба с царского Плеча и вам более чем кому-либо может быть продан патент.

— Но может ли патент на столь выдающуюся привилегию продаваться другому лицу? — спросил Петр Иванович.

— Если при дворе английского короля без спросу вместо меня посягнется другой достойный и порядочный человек — как вы, то это лишь усилит блеск короны!!!

— Нельзя ли взглянуть на патент? — спросил Петр Иванович.

Британец развернул перед ним привилегию.

— Сумма, назначенная вами, кажется мне приемлемой, — сказал Петр Иванович, ознакомившись с природным благородством письма и передавая тяжкий мешочек в чужие руки.

— Если неумолимый рок пододвинет вас вновь на край зияющей

пропасти, противореча моим пожеланиям, — сказал Ардальон Ардальевич Треснулов, — и... и вы окажетесь на самом краю зияющей пропасти без видимого исхода, то приходите ко мне, и я куплю у вас привилегию на въезд в круг в Гайд-Парке.

Быстрые, как ртуть, черты британца побледнели.

— Благодарю вас, господа, за все. Теперь же, когда мы покончили с делами высших проявлений материи и духа, я хотел бы предложить вам разговор на уровне деловой рутин.

Получив согласие, британец продолжал:

— На деньги, полученные только что, я собираюсь заняться коммерцией самого широкого свойства! Я приду на помощь моему клиенту в любую минуту и в любой ситуации!

Я намерен алебастровые вещи склеивать, английский пластырь — готовить, алмаз желтый — подделывать, английский сыр — растить головами, английскую болезнь — излечать, картофель — имитировать, разное шампанское — разливать.

Вам, Петр Иванович, зная предмет государственных забот ваших, я предлагаю уголки. Отдайте этот подряд мне без лишних слов!..

О каких уголках вспомнил осьмилетний англичанин?!

Петр Иванович состоял на службе Департамента торговли соляных дел (вот, кстати, не забыть сходить по их объявлению на Монетный двор докупить сырой платины по пяти рублей золотник, я уж пробовал ее в деле, славная платина и всегда пригодится в лаборатории) и последнее время возглавлял Петр Иванович там Особую комиссию по стеклу.

Я думаю, у многих на памяти, как государь наш Петр Первый прорубил окно с петербургской стороны в Европу. Раму-то после, при Екатерине матушке, вставили, а застеклить все руки не доходили. Оттого и дует многим в уши и в поясницу с залива. Но теперь уж точно решено — застеклить. И как будто сам уж министр внутренних дел вышел в переднюю и ожидающим князьям сказал: застеклим!

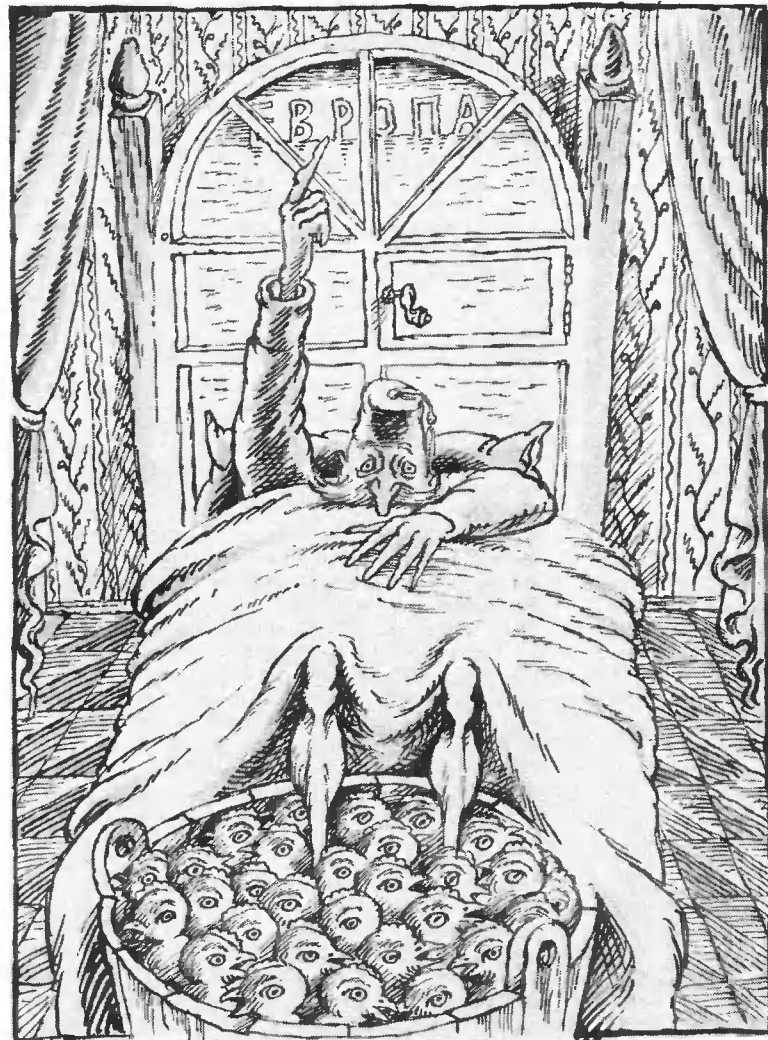
А перед этим Особая сколько ночей не спала. При Тиберии еще один подрядчик нашел каким-то способом поддержать аркаду, близкую к разрушению, за что и был сослан. В изгнании нашел способ ковать стекло и представил Тиберию же, самовольно вернувшись, в надежде на прощение, после чего и был расстрелян, так как Тиберий же испугался, что упадет цена на золото. Так же поступил и Ришелье с одним доступным ему французом.

К заказанному Особой Петра Ивановича комиссией стеклу и взялся осьмилетний англичанин наделать уголков.

На том и хлопнули по рукам.

— Так ли греют избранные цыплята, как кажется? — спросил на прощание осьмилетний англичанин.

Ардальон Ардальевич стоически улыбнулся. Осьмилетний англичанин тихо вышел в левую кулису.

— В путь! в путь! за шубой! А оттуда — непременно ко мне! — напутствовал Треснулов Петра Ивановича.

Темляков вышел на улицу и сам подивился, что уже время обеда, а он еще вовсе не в шубе.

— Черт меня кругом водит. — попенял Петр Иванович. — Разве так ходят напрямую к Адмиралтейству?!

Здесь же, при выходе на магистраль, в случившемся между постройками промежутке, Петр Иванович увидел вдруг господина лет 26, 27, 28 от роду: тот быстро снял фрак горохового цвета, заменив его на земляничный, цилиндр тоже был подвержен перемене, что произошло чуть позднее и с туфлями.

Вся гнусная сцена продолжалась всего в течение нескольких секунд — так ловок был щеголь, — но произвела на Петра Ивановича самое гнетущее впечатление.

— А вот посмотрим, како вы запоете теперь?! — сказал вслух щеголь довольным баритоном и скрылся в толпе.

Это «како», эта молниеносность, с какой были обменены вещи положительные: фрак, цилиндр, туфли — заставили Петра Ивановича тяжело остановиться.

Во всей сцене поражала прежде всего быстрота и безказанность, а главное, что в результате рождалось подозрение и недоверие к предметам окружения, проверенным и находившимся так же близко и к Петру Ивановичу, например, — фраку...

— Поменяй фрак раз в три недели. — рассуждал Петр Иванович, понемногу трогаясь в путь, — шляпу — через месяц, туфли — спустя неделю, и про тебя вспомнят, как только разговорятся об Элегантности.

— На Невском проспекте вы должны судить об этом щеголе мягче, — раздался рядом знакомый голос. То был осьмилетний англичанин, шедший, как оказалось, в том же направлении. — Вы знаете, как зовем мы, иностранцы, ваш Невский?.. Улицей веротерпимости. Казанский собор, церковь Знамения. Александро-Невская лавра, церковь Римско-Католическая, Лютеранская, Армянская...

— И не перечисляйте! — невольно воскликнул Петр Иванович. — Отчего под луну столько народов и столько вер?! Было бы... ну, два, — добавил Петр Иванович из уважения к осьмилетнему англичанину.

— В Англии нет веры, — объяснил осьмилетний англичанин. — Оттого в грамматике как слышится, так и пишется.

— Господи боже мой! А инфинитивы!

— Инфинитивы малопопулярны в народе. Вот что, Петр Иванович, если так заинтересовала вас Англия, свернем-ка на минуту на Марсово поле... Я покажу там одну штуку, от которой в Ливерпуле онемеют.

И Петр Иванович, к своему удивлению, свернул.

По Марсову полю гуляло несколько человек в объятиях праздности. Лишь изредка юная красавица спотыкалась об камушек и ломала каблучок. Дежурный офицер дремал у гауптвахты в вольтеровском кресле.

Пагубность вольтерьянства была совершенно очевидна, спинка была длинна — опираться безнадежно, а спать нельзя, потому что коротко...

— Нынче здесь пустынно, — быстро-быстро заговорил осьмилетний англичанин, и Петр Иванович уловил в звуках его голоса модулящий Азарта. — Во время гуляний многолюдно! После них я соберу всю ореховую скорлупу с поля и пережгу в щелок. Вы слышали: щелок уничтожает растительную силу бороды?!

— Поступите проще — выберите ее у верного человека. — подсказал Петр Иванович.

— ...Этого щелока будет достаточно, чтобы лишить Ливерпульскую фабрику по изготовлению лезвий ее годового дохода!

«Смотрит он далеко, — подумал Петр Иванович, — но планы его часто исключительно крайние», — сам же спросил:

— В Ливерпуле теперь есть футбольная команда?

— Есть, — ответил осьмилетний англичанин, и черты его скорбно нахмурились. — Но прежнего ее капитана уже нет. — добавил он после молчания. — Что ж, мне пора!

Они вновь расстались, и Петр Иванович бросился, прямо-таки сломя голову, к Адмиралтейству. На пути попался ему мужик в синем кафтане с пришитым голубым карманом.

— Вот ведь все какие вехи встречаются сегодня! — выругался в сердцах Петр Иванович.

В самом Адмиралтействе затруднений не оказалось. Сразу показали ему, куда пройти к чиновнику Артебякину, но уже в дверях произошла заминка. Артебякин обедал и в кабинет ему пронесли прямо перед Петром Ивановичем блюдо щучины, осетриную спину и белужью башку.

Петр Иванович решил ждать, как вдруг из кабинета послышались резкие голоса и бранные выкрики. Петр Иванович заглянул за дверь: ближе всех к Артебякину стояла Белужья Башка и с гримасой уверенности в своей правоте выводила:

— ...А оттого именно теперь, милостивый государь, что именно теперь время обеденное!

— Здесь нет предмета для спора! — поддерживало Блюдо Щучины.

Петр Иванович не заметил, как вступил в залу.

— Хотя вы объясните негодяям, что здесь Адмиралтейство. — обратился к нему Артебякин с внятной просьбой.

— Главным образом, именно поэтому! — упорствовала Белужья Башка, поддерживаемая товарищами. — Куда же нам обращаться, как не в Адмиралтейство?! И цвета расцветивания, исключительно присвоенные водам!..

— И слушать не хочу! — отрезал Артебякин. — Чем могу быть полезным? — отнесся он к Петру Ивановичу с подчеркнутым вниманием.

— Собственно... Г-м-м... По высочайшему... — Петр Иванович выхватил из кармана письмо с пожалованием ему Почетной Шубы с Царского Плеча.

— Ах, да, да... — как бы вспомнил Артебякин. — Это ко мне. Только не знаю, остались ли у меня шубы... — И Артебякин засобирился, кажется, далеко.

— И не ищите! Вот она сидит на ней! — сказала Блюдо Щучины, указывая на присевшую в кресло Осетриную Спину.

— Как же можно?! — всплеснул руками Артебякин. — Сели прямо на мою форменную шинель!

— Что ж с того? Велика ли беда? — спрашивала Осетриная Спина, нехотя вставая. — Отчего же все-таки не назначить настоящую цену? Уж столько хлопочем!

— Да оттого, что не назначить и все! — рассердился вновь Артебякин, — настоящая ваша цена до высоты вызолоченного шпилья Адмиралтейства не касается!!!

— А как же цвета расцвечивания?! — попробовала подвести контрмину Белужья Башка.

— А плевал я на ваши цвета! — откровенно признался Артебякин, после чего рыбный ряд замолчал.

Наступила выгодная тишина, способствовавшая дальнейшему объяснению Петра Ивановича с Артебякиным.

— Царские шубы ведь обыкновенно бывают на соболях, — сказал Артебякин, ни к кому особенно не обращаясь.

— На соболях, — мягко подтвердил Петр Иванович.

— Ничего на соболях у себя давно не встречал, — признался Артебякин.

— Соболей уж не хватает! — возмутилась Белужья Башка. — Чего ж, казалось бы, проще — закупил пороху и ружей и стреляй в глаз по елкам, ан, нет... И тут нехватка!

— О чем, бишь, я вздремнула? — спросила Осетриная Спина, переместившаяся в кресло у стены под портретом, изображавшим удачную игру на бильярде.

— Соболей уж не хватает! — охотно объяснила Белужья Башка. — Дожили!

— Теперь и хорошее пальто на вате большая редкость... так, чтобы с воротником... — сказала Блюдо Щучины.

— Пальто есть! — оживился Артебякин, сходил и вернулся с крепким строением.

Петр Иванович до того растерялся, что стоял онемев, а Осетриная Спина взялась примерить. Пальто было в самую пору, так что Белужья Башка под этим предлогом стала колотить по спине:

— Уж где-то и прислониться успела! Дай-ка отряхнуть, не мешай похлопать!

Нагулявшись в пальто, Осетриная Спина растегнула все до одной пуговицы и высвободилась. Артебякин принял пальто обратно.

— Вот какое хорошее пальто, — сказал он под конец, унося пальто, наверное, в цейхгауз.

Трудно описать то смятение, которое посетило в эти минуты душу Петра Ивановича. Он все повторял себе уверенно: что вот-вот награждение кончится и Артебякин непременно вынесет настоящую государеву Почетную Шубу, что пускай даже и очень хорошее пальто — при данных обстоятельствах является само по себе уже совершенно не пальто, а еле прикрытым гнусным отрицанием Почетной Шубы!!!

Вероятно, все эти переживания нашли свой явный отклик на благородном соотношении пропорций лица Петра Ивановича.

Артебякин словно спохватился:

— Впрочем, найдется и ваша шуба. Чего у нас тут не бывает ежедневно в Адмиралтействе, а в итоге — порядок флотский.

— Да уж, порядки тут у вас! — сморщился рыбный ряд.

— Вот и кстати, не окажете ли, Петр Иванович, деловое содействие припасами и материалами Морской артиллерии? Не возьметесь ли поставить хоть меди, мыла, наперстков железных, наждаку, нашатырю, наковален и олова?

— Отчего же, возьмусь, — отвечал Петр Иванович (скажу купцу Драмоделову: он обрадуется подряду и возьмет куш).

— Тогда, может быть, и решет пороховых, рукавиц кожаных, сала говяжьего, свеч восковых, сургучу, скипидару и точил больших и малых?

— Возьмусь и на это, — согласился Петр Иванович (и для осьмилетнего англичанина найдется простору).

— Тогда уж и тростнику, Петр Иванович, уголья ольхового, охры светлой, белил, войлоков коровьих двойных, гарпиусу, грифель, дровней, замков висячих, игол швальных и парусных, карандашей в кипарисовом дереве, клею, лыков, мехов кузнечных, а также пил и других вещей, при Морской артиллерии употребляемых.

— Доставлю и это, — пообещал Петр Иванович, справедливо ожидая, когда ж дойдет черед до шубы.

— Славная штука Морская артиллерия, — сказала Белужья Башка Блюдо Щучины, вообще отличавшемуся доверчивостью.

Артебякин вздохнул, и по этому вздоху Петр Иванович безошибочно понял, что сейчас он и увидит наконец то, что заслужил незаурядным трудом своим и свойствами души.

Артебякин вынул из верхнего огромного ящика письменного стола шубу и положил ее вдоль... То, что перед Петром Ивановичем была теперь настоящая царева шуба, не было и не могло быть никаких сомнений именно по тому, как бы фосфоресцирующему блеску, коий рождался не благодаря освещению, не благодаря медицинским галлюцинациям, а рождался как бы сам по себе, вне всего, но лишь сам по себе, от собственных причин, лишь до него относящихся.

Таковы царские дела.

Вошедший чиновник Ишимбаев спросил, не попадалась ли сегодня кому на глаза Осетриная Спина.

— А вам на что? — спросила Осетриная Спина.

Быстро распознав, с кем имеет дело, чиновник вручил ей назначение под расписку

— Поедешь завтра же в Константинополь с дипломатической миссией в качестве подпопечителя блистательной Порте.

— Конеч не близкий,— попыталась ввязаться в свару Осетриная Спина.

— Не перечь, дрянь!— приостановил ее чиновник Ишимбаев.— Функции, тебе присваиваемые, будут двойного рода: с одной стороны— знак уважения и постоянного дружелюбия— видишь, какая ты толстая и жирная, оттого тебя съедают всегда с чувством удовольствия; с другой стороны— ты должна зримо демонстрировать нашу позицию по отношению к наглým притязаниям басурманов. Так что в случае чего— не заметишь, как ляжешь за царя и отечество.

Осетриная Спина в миг опала в весе и прислонилась к стенке. Успокаивать взялась ее Белужья Башка:

— Брось расстраиваться! В турецкой армии нет тактики и дисциплины.

— Расскажи про янычар,— попросило Блюдо Щучины.

— Янычары, под предводительством санджаков и начальствуемые агами, изнежены бездействием и вперед идут неохотно...

Чиновник Ишимбаев крупными, ясными буквами написал себе на бумаге: «Белужья Башка», и подошел к двери, напомнив Осетриной Спине:

— Завтра в семь! У главного входа между двумя сломанными якорями!

— Якоря! Якоря!— заметило между делом Блюдо Щучины, так как было отчасти посеребрено обстоятельствами.

Чиновник Ишимбаев крупными, ясными буквами написал себе на бумаге: «Блюдо Щучины».

— Ну что, дождалась настоящей цены?— съехидничал Артебякин, и тут все невольно посмотрели на Петра Ивановича.

Петр Иванович надел на себя Почетную Шубу и стал неузнаваем. Так, наверное, преобразается ценный промысловый моллюск, если его сначала под каким-нибудь предлогом вынуть из роскошной раковины, а потом как бы впервые вдеть.

Мех, когда-то пущенный по царской шубе, был вызволен с тех соболей, что перезимовали самые страшные зимы, и потому мех стал от мороза пушистым до чрезвычайности. Я думаю, им было так холодно, как никому прежде (а прежде перемерзло немало).

Подобно соболям и сам государь, было очевидно, пережил в этой шубе достаточно, еще, видать, Великим Князем, проверяя караулы с подветренной стороны.

Но оттого, что шуба во многих местах поистерлась, а левый рукав немного был вывихнут, шуба вовсе не потеряла, а, как старое вино, приобрела...

Много еще слов, рожденных среди лесов и долин обширной земли нашей, можно было бы сказать о славной Почетной Шубе с неизгладимым отпечатком собственного Его Императорского Величества Плева, и уж было Белужья Башка открыла рот, как в залу вошли четверо, одетые по форме и с саблями.

Блюдо Щучины, скрывавшее до поры свою серебряную пробу, решило, что вот и пришел забирать в серебряные заводы на переплавку за вольные поступки на Двине, Немане, Тихом Доне и в приазовских плавнях.

Впрочем, недоразумение скоро разъяснилось. Форменная четверка оказалась Прусским правительством, прибывшим для изъявления протеста.

Ближе всех с русской стороны на данный момент к дипломатической службе была Осетриная Спина.

Прусское правительство с заграничным выражением на четырех лицах, рассмотрев на Петре Ивановиче бывших соболей, выразило ему и Артебякину, как делопроизводителю Адмиралтейства, наконец, протест против чрезмерных льгот, полученных Любекским пароходным обществом.

— А известно ли вам, господа,— переполняясь справедливым негодованием, сказал Петр Иванович,— что председателем Любекского пароходного общества является шеф нашего корпуса жандармов генерал Бенкендорф?!

— Известно,— горячилось Прусское правительство.— Так он у нас и железнодорожного общества председатель, и компании по страхованию от огня и страхованию жизни!..

— И это в высшей степени естественно для начальника корпуса жандармов,— торжествуя закончил начатую Прусской четверкой мысль Петр Иванович.

— И везде берет по десяти тысяч за место!— откровенно интриговало Прусское правительство.

— Кто сколько зарабатывает, тот столько и получает,— отвечал Петр Иванович с достоинством.

— Это происходит оттого, что Россия есть еще девушка в нравственном смысле! Никаких льгот Любекскому пароходному обществу под председательством хоть и генерала Бенкендорфа!— заявило Прусское правительство.

И тут не выдержала даже Балтика!!!

Нескончаемые льготы Любекскому пароходному обществу были настолько естественны, что морская стихия возмутилась Прусским вмешательством безбрежно...

Волны вздулись и, влекомые солидарностью с Любекским пароходным обществом, понеслись к Адмиралтейству.

Патриотический порыв балтийских вод был настолько велик, что

в то же мгновение разорвался на части Исаакиевский мост и несколько его флашштоков влетели на берег Адмиралтейства.

Находившийся прежде на мосту народ тут же приступил к выяснению причин таковой разительной перемены в их местонахождении. И кто-то впервые крикнул страшное слово: «Наводнение!»

Улицы мгновенно превратились в реки. В Галерной гавани корабли носились с такою быстротою, что разбивали дома, население коих перебиралось на них. Новобранцы-моряки с ужасом смотрели в морскую пасть.

Когда волны ворвались в залу, занимаемую по службе Артебякиным, Белужья Башка сказала Петру Ивановичу раздраженно:

— В либеральном парижском журнале помещено одобрителное рассмотрение плана сажать морскую рыбу в пресные озера — что за собачья мысль?! Отсюда рукой подать до того, чтобы пресноводную сажать в море!..

Артебякин остался ожидать по горло в воде нарочного ялика. Белужья Башка взобралась на Осетриную Спину, положила на темя серебряное Блюдо Щучины, на которое и взошел Петр Иванович. высвободившийся из белопенных валов.

— Выгребай! — сказала Белужья Башка Осетриной спине, и они выплыли через окно, навсегда оставив не сумевшее оценить их по достоинству Адмиралтейство.

Судьба Прусского правительства осталась неизвестной.

Стоя на блюде и видя, как крушатся окружающие оплоты, Петр Иванович не испытывал обыкновенного, связанного с подобными впечатлениями беспокойства.

Почетная царская Шуба не столько укрывала его от ветра с холодными брызгами, сколько вообще исключала из происходящего.

Петр Иванович находился как бы в Аркадии, увешанной апельсинами. Откуда-то издали донесся голос Белужьей Башки, искавшей собеседника:

— То ли еще в Китае делается, в Палате Церемоний. Там все перемешано похуже нашего.

Осетринная Спина, дотоле погруженная в полную апатию, зашевелилась.

— ...На последнем заседании, посвященном рассуждениям о пяти добродетелях, шести обязанностях и семи приличиях, председатель Палаты Стихов и Прозы сказал, что лично он делает все возможное для того, чтобы согласовать между собой действия материи движущейся и материи неподвижной, но ему в Палате никак не управиться с журналистами, у коих все материи так перемешаны, что от этого может произойти не больше не меньше, как хаос... в головах у читателей. Может, не интересно, я тогда не буду.

— Нет, продолжай, — отозвался Петр Иванович, решившись осветить себя безобразиями далекой журналистики.

— Давай рассказывай, все равно делать нечего, — поддержало Блюдо Щучины.

— В итоге пятикратное оскорбление пяти добродетелей, шестикратное — шести обязанностей и семикратное — семи приличий: гарантированные 80 ударов бамбуком по пяткам... Материя движущаяся, материя неподвижная...

— Бамбук... пятки цейлонских девушек... — мечтательно сказала Блюдо Щучины.

...Ардальон Ардальоныч Треснулов уже ждал их на балконе мансарды.

Четырехчленная фигура, венчаемая Петром Ивановичем, приятно освежила взгляд генерал-майора.

И в самом деле, фигура являлась одним из наиболее зрелых плодов отечественной аллегорикой. Осетринная Спина в подножии олицетворяла собою плодородие и примерное трудолюбие, Белужья Башка — возросший интеллект и круглосуточные достижения медицины (эле скрытая символика черепа), серебряное Блюдо Щучины — радость металлов, торжество наук.

Сам же Петр Иванович мог олицетворять в Почетной Шубе с Царского Плеча что угодно. Для этого надо было только спросить его, и он ответил бы.

Оказавшись в мансарде и испытав на себе объятия хозяина, Петр Иванович с обретенным окружением прошел к камину, минуту назад устроенному осмилетним англичанином, молча сушившим плащ из драдедема с кистями, и разглядел в глубоких креслах княжну в глубоком трауре.

— Как хороши ваши гранаты: они оттеняют ваш траур более всего! — восхитился Петр Иванович. — И эти глаза...

Княжна отвела эти глаза в сторону, чтобы не видеть негодяя.

— Ближе! Ближе к огню, княжна, вы продрогли до нитки! — сказал Ардальон Ардальоныч.

Княжна молча подняла на него гранатовые глаза и словно сказала: «Ближе к огню?! Тогда он охватит меня всецело!..»

— Отчего все молчат? Мы скушаем, как во время чумы! — спросил Петр Иванович. Присутствие Шубы и княжны действовало на него элекризующе.

Внесли жареных цыплят — недавних медиков генерал-майора.

Осмилетний англичанин уцепился Осетринную Спину, отвел ее к потайной дверке и спросил: «Вы знаете, что из рыбы можно вынуть желчь?»

— Я уже получила назначение в Константинополь, — отвечала Осетринная Спина.

Осмилетний англичанин завлек химерами к потайной дверке серебряное Блюдо Щучины.

— Вы знаете.— сказал он напрямик.— что серебро может вступить в реакцию с настоящей кислотой?!

Белужья Башка, подойдя вплотную к персидской княжне и понимая, что такого другого случая не представится до конца жизни, выбросила княжну в окно, в волны.

Осьмилетний англичанин вынужден был на несколько мгновений оставить Блюдо и, вернувшись с княжной в мансарду, устроил ее к огню.

Петр Иванович вновь присел подле и продекламировал: «Не сяду весело на шумных я пирах, любви не призову, друзья, в беседы наши и с именем твоим, о Нина! на устах я не напению чаши!»

Осетриная Спина в восторге унесла собеседницу Петра Ивановича и выбросила ее вновь.

Осьмилетний англичанин оставил разработку кое-каких деталей с Блюдом и вернулся с княжной, потратив на это время более обычного.

После чего вновь уединился с Блюдом.

Относясь более всего к княжне, Ардальон Треснулов обратился к Петру Ивановичу:

— А вот и мой подарок в столь великий для вас день. Медальон с крохотной характерной миниатюрой...

Он вскрыл камеру медальона.

— Видите?! В одной из зал дворца Амфитриона юный Алкид лежит на львиной шкуре в позолоченной колыбели и задушает змей...

Петр Иванович был вынужден прервать ухаживания за княжной.

— ...Их послала Юнона, вот она видна в верхней части картины среди облаков — видно ли вам, княжна? В сопровождении двух преступных павлинов. Маленький Ифискл в ужасе уходит... Можно ли понять Ифискла? — добавлю от себя...

Ардальон Ардальоныч не выдержал более собственных объяснений и, собрав княжну в охапку, выбросил в окно, в волны.

Осьмилетний англичанин значительно позднее обычного вернулся с княжной, пододвинув ее кресло вплотную к камину.

Переговоры с Блюдом продолжались с прежним успехом.

У Петра Ивановича был великий день: Почетная Шуба, патент на право появляться в Сент-Джеймсе произвольно — не выбросить княжну, чтобы потом вечно укорять себя в малодушии, он не мог.

Осьмилетний англичанин на сей раз последовал вслед за княжной в твердом союзе с Блюдом насчет того, чтобы надеть серебряных портсигаров.

Белужья Башка не утерпела и, видать, где-то хорошенько треснулась: по всей Фонтанке плыли мозги.

— Характеристическая черта возможностей нашей столицы, — отметил Петр Иванович, взбираясь на Осетриную Спину. — Мозги плывут в неограниченном количестве толщиной в палец, являясь необходимым

витамином государственного организма. Сколько у нас все-таки умов и талантов!..

Появилась и сама Белужья Башка, заметно без мозгов поглупевшая и примитизировавшаяся, стала звать пить пьяное пиво.

— Шубу надо вспрыснуть!..

— Да полно! И так вся до нитки, — неуверенно отнекивался Петр Иванович.

— Это не в счет, — не засчитывала Белужья Башка.

Между тем вода стала заметно спадать.

Прошла мимо, по колено, Отсебятина, несшая впереди на руках Отсебятину побольше. Осетриная Спина встала и начала разминать косточки с таким кошмарным хрустом, что пришлось колотить ее с полчаса, пока она не распрямилась без недостатков.

— Ты с нами? — спросила Белужья Башка, и они вошли в трактир «Испания, Англия и Алжир».

Там уже сидел осьмилетний англичанин, пропивал последний фальшивый рубль, отлитый из Блюда Щучины. Щербатое, но довольное Блюдо сидело напротив и не верило ни одному его слову.

Здесь же уселась и Отсебятина, положив перед собой на стол Отсебятину побольше. Поскольку других свободных мест не было, Петр Иванович сел за стол осьмилетнего англичанина. Ему поскорее хотелось уладить все формальности с так называемым обмыванием Шубы.

Вскоре появился и отвратительный половой, поджегший как бы нечаянно Ярославль. На суде ему удалась мистификация, после каковой он был отпущен.

Пива поставил самого скверного и перебродившего.

— Хочется спокойствия, а не потакающая ложным интересам, — заявило пиво, ухватившись за края и стараясь выбраться из кружки. — Мои документы об отставке уже находятся в пути...

Петру Ивановичу наскучила и раздражила пьяная болтовня, и он осушил кружку до дна. То же сделали и Белужья Башка с Осетриной Спिनкой.

Отвратительный половой принес вторую порцию.

— Чаша, заглядывая в которую видишь истинное дно!.. — заглядывая в пустую кружку, заметило пиво, перегибаясь из второй принесенной кружки.

— Заткнись! — крикнул Петр Иванович и выпил вторую кружку.

Отвратительный половой принес жаркое, и Петр Иванович ахнул: на расписном блюде лежал отъявленный гусь из подвала лавки купца Драмоделова, притворившись прожаренным, по сторонам обнимали его вступившие в гнусную сделку лимоны.

— Ну что, негодяй?! — спросил Петр Иванович гуся напрямую. — Сам ли уйдешь, или тебя выведут?!

Гусь нехотя встал и вперевалочку, сквернословя, вышел из трактира.

Блюдо Щучины отвело Блюдо из-под гуся в сторону и согнуло вчетверо.

На стол уставилась третья кружка.

— Вы спрашиваете меня, почему в Англии так хороши и многочисленны дороги?!

— Спрашиваю, — подтвердил Петр Иванович, хотя не спрашивал осьмилетнего англичанина ни о чем.

— Я вам объясню. По английскому законодательному Уложению, уличенный в клеветничестве должен собственными руками вымостить от 2 до 3 английских миль на большой дороге шириною в 12 футов.

— Вы клеветали?! — догадался Петр Иванович.

— Да, я клеветал! — гордо подтвердил осьмилетний англичанин. — Я подарил Англии практически все дороги.

— Ваши ли дети, — неизбежно встречающиеся по дорогам мосты и тоннели? — спрашивал Петр Иванович.

Подошел отвратительный половой с четвертыми и пятыми кружками и, теша себя безумной идеей, что Петр Иванович пьян, спросил:

— Это правда, что Петербург расположен между 59° 59' 46" и 59° 54' 18" с. ш. и между 30° 13' 38" и 30° 25' 26" в. д.?

— Между, — отвечал Петр Иванович.

— Не перестаю удивляться остроте мысли, отдавшей все наши сухие места под кладбища, — сказала Осетриная Спина. — Смоленское, Преображенское...

— А отчето молчит Отсебятина Маленькая и Отсебятина Большая?! — спросил Петр Иванович.

— Обескуражены пребыванием не так далеко от колодца Истины, — ответила Отсебятина Большая.

Растроганный Петр Иванович перенес на колени Отсебятину Большую и стал дружелюбно гладить.

Пиво, принесенное в двенадцатой кружке, повело себя нигилистически. С криком: «Пиво принято считать дюжинами!» — оно выбросилось из кружки на колени Петру Ивановичу и залило почти всю любимую Отсебятину. Петр Иванович окончательно оставил мысль о его возможном исправлении и вышел из трактира, прижимая к груди теплую и мокрую Отсебятину.

Вода сошла окончательно.

Вместе с Петром Ивановичем, обступив его плотным кольцом, вышли и осьмилетний англичанин, Белужья Башка, Осетриная Спина и Блюдо Щучины. Но перед самым домом Петр Иванович заметил, что остался совершенно один.

— Оно и к лучшему! — решил он, вошед к себе и рухнув на постель.

Утром, восстав ото сна, Петр Иванович первым делом почувствовал, что Почетной Шубы с ним нет. Он заснул, как пришел, — в полшубке из Отсебятин.

Шубу подменили!!!

И подменил (в чем не было ни малейшего сомнения) осьмилетний англичанин! Он завлек его в бесконечную беседу, напоил пьяным разбузданным пивом и — подменил шубу!

Горе Петра Ивановича было безмерно. Скоро весь Петербург узнал о лютом злодействе осьмилетнего англичанина. Осьмилетний же англичанин как в воду канул...

И тут свершилось чудо.

О горе своего верного слуги узнает государь, пурпурное сердце его трогается Высочайшим сочувствием, и державным Манифестом он повелевает считать полушубок Петра Ивановича из Отсебятины Почетной Шубой с Собственного Его Императорского Величества Плеча, воздавая ей соответственные почести, причем зря не форму, но суть...

Таковым бессмертным актом завершилась любезная нам Эпопея.

А куда же подевалась истинная государева шуба? — спросит читатель-аккуратист.

Верно: подменил ее осьмилетний англичанин! Но не буду зря поносить английскую корону, ибо сей англичанин был самозванец...

Более того, не одежды человечества носились на гнусных костях, но одежды Дьявола, в обиходе — чертовы одежды!

Черт всегда юлит по Петербургу, прикидываясь то извозчиком, то завакой-прохожим, то дамой.

Не знаю такого времени, когда черт спит в Петербурге.

Подменив шубу, он обрадовался резко ударившему морозу, накрылся ею сам и, боясь справедливого возмездия, отправился по льду через Финский залив, где и провалился в полынью между льдин.

Однако выплыл (он и в огне не горит), хотя шубу потопил.

Шуба после шторма выплыла на берег шведский. Шведы ее просушили и представили ко двору, где она и была разнесена на лоскутья во время одного из Экспромтов, имевшего при дворе быть.

Москва, 1979

СОБАКЕ — СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Алексей Алексеевич Полотенцев лежит у себя в комнате на плоском диванчике и развивает, и развивает свою любимую мысль.

Мысль эта состоит собственно в том, что жизнь у любой собаки должна проходить в конуре и во дворе... под сумеречным осенним небом и пронизывающими до костей ветром и дождем.

— Да, да, собаке — собачья жизнь!!! — довольно шевелит губами Полотенцев.

Мысль эта каким-то чудесным образом проникает сквозь стену и оказывается в соседней комнате. Там, на широкой, как саратовская степь,

кровати лежит болонка Эльжбета, вся в кружевах и с голубым бантом. Глаза болонки постепенно наполняются слезами.

— Да, да, собаке — собачья жизнь! — убежденно повторяет про себя Полотенцев. — На натертой шее при малейшем движении гремит тяжелый ржавый ошейник... Дышать трудно, дыхание затруднено. Это уже не дыхание. Хрип один. Есть хочется постоянно. Лютый голод!

Полотенцев с некоторой надеждой выходит на кухню.

Между тем тело болонки начинает вздрагивать, и вот уже она рыдает навзрыд.

— Боже мой! Что это? Неужели опять! — вскрикивает жена Полотенцева и начинает истерически расчесывать белую кудрявую шерстку Эльжбеты на лапках.

Полотенцев ни с чем возвращается с кухни, вновь ложится на свой плоский диванчик и прикрывается наполовину сизым половичком.

— Хозяин всегда строг, молчалив. В руках у него суковатая большая палка. Чуть что не так — обламывает ее обо пса! И выбирает в ближнем лесу другую, — рассуждает мысленно Полотенцев.

При описании суковатой палки болонка на мгновение замирает, но после выбора новой в ближнем лесу с ней опять истерика.

— Изверг, изверг... — шепчет жена Полотенцева, прижимая Эльжбету к груди.

— Но главный враг пса — волк! — убежденно восклицает Полотенцев. — Брянский ли, тамбовский ли — волк! Чу... да это он воет в двух шагах за забором. Это его один глаз полыхает в ночи!

Эльжбета теряет сознание, жена Полотенцева звонит маме...

— Но это все цветочки! Ягодки будут впереди. — обещает мысленно Полотенцев. И переносится в Клондайк, в суровую страну суровых золотоискателей.

Эльжете мигом возвращается сознание. Она знает, что худшее еще впереди.

— Юкон встанет через три дня! — объявляет Полотенцев. — И тогда мы все окажемся в плену у белого безмолвия...

— Не может быть! — восклицает Сломанный Зуб, компаньон Полотенцева, с которым они застолбили за собой участок на Чертовой горе.

— Юкон встанет через три дня! — повторяет Полотенцев. — И у нас есть один выход. Ехать, не переставая, все время и съесть всех наших собак! Иначе мы умрем от голода и не достигнем своей цели вовремя.

— Боже мой! — опять восклицает Сломанный Зуб. — Но ты как всегда прав, Билл. И я поеду за тобой на край света, пока у нас не кончатся все собаки.

И Полотенцев с компаньоном трогаются в долгий путь.

Дорога до Юкона обходится Эльжете недешево, она худеет и бледнеет на глазах.

Жена начинает истерически колотить в дверь.

Но Полотенцев не слышит. Нарты его разбились, он лежит под грудой снега, натягивая на себя сизый половичок, силы оставляют его, сознание путается, но со дна его вдруг всплывает самая, самая любимая мысль, самая золотая, и он улыбается:

— Собаке — собачья жизнь!

КАК ХОРОШО! КАК ПРИВОЛЬНО!

В кабинет заместителя директора крупного объединения «Мысль золотая» Синицына П. В. вошла крупная, крепкая баба с ведром клея, тряпкой и рулоном бумаги.

— Окна буду заклеивать, — объявила она.

— А-а... — понял Синицын. — Ну что же, приступайте...

— Приступаю! — сказала баба и полезла на подоконник, подоткнув юбку.

Все — ведро с клеем, тряпка, рулон бумаги — задвигалось, заперестрело, приклеилось...

Вдруг баба открыла рот и запела по-итальянски, сильно и высоко:

Oh, com'e bello, com'e bello! Si respira fra i campi e i giardini della mia Romagna meravigliosa! Si può girare titto il mondo. Ma soltanto qui.¹

— Эх! Эге-ге! Эх! — невольно вздохнул заместитель директора Синицын, вспомнив нечаянно и свою деревню Новый Покос, где родился и вырос:

Oh, come facile e lieto mi respiro di primavera nel cuore della mia Romagna in fiore! Tutte le nostre fanciulle s'innamorano e hanno le rose dei volti.²

¹ О, как хорошо! Как привольно!

Дышится среди полей и садов
Моей чудесной Романы!..
Нигде в целом свете нет
Таких румяных вишен и девушек! (Ит.)

² О! Как легко и весело дышится

Мне весной посреди моей цветущей
Романы!
Все наши девушки об эту пору влюблены
И ходят с румянцем во всю щеку. (Ит.)

Синицыну тоже вдруг захотелось побывать в своей деревне, и мысленно он представил себе, как заказывает по телефону билет и укладывает чемодан. В поезде он будет долго стоять в коридоре, провожая взглядом неброские одинокие осины и столбы электропередач. Чая разнести не будут, потому что тяги в титане нет.

Oh, conosco bene di chi s'innamorano tutte le fanciulle del nostro paese che hanno le rose dei volti¹.—

нела баба. ловко заклсивая все щели.

Oh, conosco benissimo!
S'innamorano del nostro bel duca.²

Поезд остановится на дальней станции, и Синицын пройдет через здание вокзала на привокзальную площадь. Купит еле-еле поджаренных семечек, закатит брюки и тут же сядет в рейсовый автобус, который и повезет, и закрутит...

Anch'io ho un debole per lui! Quante volte ho rinunciato le belle collane che volera regalarmi.
Mi basterebbe il coraggio di rifiutarlo la vostra scelta seguente?³

Синицын вышел к реке, на той стороне паромщик Прохоров говорил о чем-то с трактористом Манохиным и делал вид, что совершенно не замечает Синицына. Что ж, приходилось ночевать на Марьиной косе, подложив под голову чемодан.

— А герцог, тоже хорош гусь,— подумал Синицын, пытаясь устроить голову поудобней на чемодане.— Дурит бабам головы своими бурами...

¹ О, я знаю, в кого влюблены весною
Все девушки нашей деревни
С румянцем во всю щеку. (Ит.)

² О, я слишком хорошо знаю!
Они влюблены в нашего доброго герцога! (Ит.)

³ Я и сама равнодушна к нашему герцогу!
Сколько раз я отказывалась от
Чудесных бус, которые
Он мне хотел подарить.
Но хватит ли мне сил
Отказаться в очередной раз
При появлении нашего доброго герцога?! (Ит.)

Oh, forse son troppo sincera e racconto troppo del nostro bel duca? Ma no! Mio caro duca con bellissimi occhi azzurri occhi — come il cielo.
Non rimarrà deluso della propria scelta¹.

Раздается скрип ключин. Синицын поднимает голову и видит за веслами лодки Елизавету Аксакову, жену паромщика Прохора. Теперь уже рукой подать до Нового Покоса. А вот и родной дом. Правда, дом продали в шестьдесят седьмом, так что Синицын ложится теплым утренником в огороде среди бодрого гороха, крепких огурцов. Рядом недалние овсы, из коих вылетают потревоженные куропаты... Просыпается Синицын, когда солнце стоит уже высоко. Что ж, пора возвращаться домой.

No, no! Mai scambio la mia Romagna in fiore di Primavera fiorita. Si può girare tutto il mondo, ma soltanto qui ci sono cilege e ragazze così rossi².

Баба спрыгнула с подоконника и сказала: «Весной пиду, все отклею — окна буду мыть!» — и, гремя ведром, ушла.

— Какая попятная и нужная у нее работа! — вздохнув, подумал Синицын.— А я чем тут занимаюсь?— Синицын оглядел свой кабинет.— Нет, весной тоже пойду работать куда-нибудь. Придет эта баба окна мыть — женюсь на ней и начну новую бодрую жизнь!

И Синицын запел по-итальянски громко и высоко:

Oh, com'è bello, com'è bello! Si respira fra i campi e i giardini della mia Romagna...³

¹ О, не слишком ли я откровенна?
Не слишком ли много рассказала
О нашем добром герцоге?
О, нет! У моего доброго герцога
Слишком прекрасные голубые глаза,
Глаза — цвета лазури.
О, он, конечно же, не обманется
В своем выборе!

² О нет! Нет! Ни на что я не променяю
Мою цветущую Романью весной!
Нигде в целом свете нет таких
Румяных вишен и девушек. (Ит.)

³ О! Как хорошо! Как привольно!
Дышится среди полей и садов
Моей цветущей Романью... (Ит.)

СТОИТ ТОЛЬКО НАЧАТЬ

Из английского юмора

Восьмилетний Патрик Джейкинс сказал как-то своему сорокадвухлетнему отцу Джиму Джейкинсу в присутствии своей матери и жены Джима Агаты примерно следующее: уже давно (и он настаивал на этом весь вечер, и последствия не заставили себя ждать) для сохранения и поддержания естественной среды (он так и выразился) во всем мире просвещенные государства и территории (сам он ходил в школу через два дома) приобретают в Центральной Европе (скажем, в Чехословакии) муравейники, чтобы лес обрел новую жизнь, обновился буквально на глазах.

— Все верно, малыш, — сказал Джим Джейкинс. — Но мы-то живем не в лесу, а в городе (он, вероятно, имел в виду Лондон, и Патрик знал об этом). Какую еще вторую жизнь может принести нам муравейник из Центральной Европы, какое к чертям обновление?!!

— О Джим! — воскликнула кроткая Агата, читая VII главу первой части толстого романа (в первой части их было XXXV, с I—XXXV). — Надо ли поминать чертей при элементарном обмене мнениями с сыном, прожившим на этом свете лет 8, 9?!

— Девять! Девять! Черт подери! — твердо заявил Джим Джейкинс. — И я не удивлюсь, если этот мальчик выписал из Чехословакии на бланке нашей фирмы лесной муравейник и не пройдет каких-нибудь несколько минут, как у двери раздастся звонок и посыльный не вручит мне конус!..

— О Патрик! — воскликнула кроткая Агата. — Ведь ты никогда не поступишь так, как только что предсказал Джим, от себя добавлю: злоеще предсказал Джим?

— О, я бы никогда не осмелился поступить столь злоеще! — заявил собравшихся юный Патрик. — Но позволь тебе напомнить — у муравьев жесткая организация. Во-первых, они выслали бы дозорных, так сказать, гонцов добрых вестей, а во-вторых, муравейник уже построен, а раз так — надо копить силы на создание второго муравейника, не более того.

— О боже! — воскликнули Джим и кроткая Агата и крепко обнялись, как в первый раз.

В дверях раздался звонок. Все произошло примерно так, как в самых грубых чертах предсказал Джим.

Посыльный вручил Джиму Джейкинсу выписанный им из Чехословакии новенький конус с муравейником.

Незаметно пролетело шесть лет.

Заглянем вновь в гостеприимную гостиную Джейкинсов. Изменилось ли что-нибудь? Что случилось с нашими добрыми знакомыми: юным Патриком, флегматичным Джимом и кроткой Агатой?

Хозяина дома мы не застали, и по понятным причинам: у него открылся удивительный талант к организации туристических круизов на треугольной основе: Сеул — Сингапур — Гонконг и, наконец, сам Бермудский треугольник с его гостиничной базой. От былой флегматичности не осталось и следа.

Что случилось с кроткой Агатой, спрашиваете вы? Агата является автором 52 романов. Такая плодовитость вызывает удивление даже на английской территории, так сказать, колыбели Великой Английской литературы. Пишет Агата легко, живет безвыездно в своем замке на глухом Западном побережье.

Что же произошло с Патриком? О, это гордость нашего повествования! Он один из самых молодых и энергичных бизнесменов на острове в сфере производства индивидуальных компьютеров.

Конкуренты с горечью говорят: мы еще только прикидываем, что и как, а этот сорви-голова уже вовсю загребает денежки. В родительском доме Патрик практически не бывает.

И, наконец, о муравьях. Обычай содержать их в городской квартире распространился в Европе довольно широко. Это они высылают гонцов добрых вестей по стенам в прихожей, на кухне и в ванной.

Некоторые называют их бытовыми муравьями. Это неверно. Правильное их наименование — муравьи Джейкинсов, в чем, как нам кажется, мы убедили наших читателей.

КАК ПИСАТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ТАНГО

В редакцию пришло письмо от Шурочки Шуваловой. Она спрашивает: очень хотелось бы знать, как пишутся латиноамериканские танго. Отвечаем тебе, Шурочка.

Творческий процесс — процесс глубоко интимный, личностный, часто стихийный. Вследствие чего поначалу латиноамериканское танго писали исключительно в Латинской Америке.

В Европу танго впервые привезли контрабандисты в начале 20-х годов, и сначала танго танцевали в очень узком, семейном кругу контрабандистов. Но все тайное скоро становится явным. Кавалеры стали приглашать дам повсеместно...

Как танцуют танго, более-менее известно широкому кругу лиц, но вот как пишутся латиноамериканские танго, знают единицы. Для того чтобы самому написать хотя бы одно популярное танго, нужно, чтобы была осень. Лучше, чтобы поздняя осень. Совсем поздняя. Жить надо на

даче у знакомых. С утра надо сделать так, чтобы шел дождь. Не как из ведра. Это крайность. А такой мелкий, нудный, нескончаемый...

Когда начнет смеркаться, надо пойти за шесть километров встречать электричку. Когда никто не приедет, надо уже в полной темноте, поминутно сбываясь с дороги, увязая сапогами в грязи, вернуться в совершенно пустой дом. Поставить на плитку старый закоптелый чайник и сорок минут искать повсюду и на антресолях заварку.

Напившись чаю, надо сесть на диван с ногами и закутаться в старое пальто...

Вот теперь можно начинать писать латиноамериканское танго. В жизни каждый человек переживает очень много очень счастливых минут. Для танго это не годится. Надо вспомнить что-нибудь грустное. Например, как ты в юности влюбился, а в тебя нет. Если ничего грустного в голову не приходит, то можно вспомнить, как у тебя в зрелости одолжили крупную или не очень крупную сумму и не вернули.

Когда стало по-настоящему грустно, надо надеть кепку. Кепка по настроению ближе к Латинской Америке, чем, скажем, ушанка. Теперь надо представить себе, что вы сидите в зарослях пампы. Вы сидите у подножия длинного-длинного растения с травянистым стеблем, название которого просто не укладывается в голове.

В данный момент надо точно отдавать себе отчет, что именно здесь, в зарослях пампы, вы нашли свою любовь, встретили девушку, которая по разным причинам вынуждена уехать из зарослей пампы, или, наоборот, вы должны покинуть заросли пампы в связи с переходом на другую работу. Возможно, в заросли джунглей.

В момент предполагаемого отъезда хорошо сесть на велосипед, если он есть в доме, и немного покататься по веранде, скрипя несмазанной цепью. Скрип несмазанной цепи очень хорошо дополняет настроение разлуки, проблематичности будущего свидания.

Теперь надо открыть дверь с веранды и подставить голову под порывы ветра и бурные струи дождя...

Вот вы и написали латиноамериканское танго. Рукопись отнесите в музыкальное издательство. Там ее отпечатают на нотной бумаге. Танго по праву считается одним из самых красивых и любимых танцев.

Поздравляем вас с творческой удачей!..

ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Сказка

Далеко-далеко за морем жил да был город с забавными жителями. Чего бы они ни придумывали сделать, все у них получалось наоборот. Задумают починить сапоги — у них раскрываются форточки, решат пообедать — на дворе устанавливается прекрасная погода, устроят праздник — кто-нибудь обязательно потеряет билет на поезд.

В этом городе жил человек под длинным красивым именем Шераварио. Он решил кое-что изменить в лучшую сторону и пошел во дворец к королю Шубрику Первому. Король катался по тронному залу на велосипеде, то есть читал интересную книгу.

— Ваше величество, я тут решил кое-что изменить в лучшую сторону, — сказал, поклонившись, Шераварио.

— Не надо, благородный Шераварио, ты же тогда все изменишь еще хуже в худшую сторону, — не согласился Шубрик Первый.

— Тогда, ваше величество, я попробую кое-что изменить в худшую сторону, чтобы было как лучше.

— Давай, — разрешил Шубрик.

Шераварио вышел из дворца и сразу поколотил двух стражников у ворот. После чего в лесу появилось много вкусных грибов. Тогда Шераварио отправился в кондитерскую и пролил кофейник на белую скатерть. Вокруг города и на улицах зацвели прекрасные цветы, в которых жили крохотные прекрасные девушки-Дюймовочки, они пели серебряными голосами в конце каждого часа.

На площади Шераварио выковырял бульжик из мостовой и запустил им в витрину часовщика, отчего крестьяне не смогли нарадоваться на урожай в этом году. У первой красавицы города — ослепительной Амнерис Шераварио разрезал ее самое любимое платье на лоскутки. Значительно углубилось русло реки, на которой стоял город. В толпе на базаре Шераварио вытащил из кармана последнюю монетку у бедняка Пенкуса. Произошел крупный скачок в развитии изобразительной и музыкальной композиции.

В Колокольном переулке Шераварио наступил на ногу Гермогену — очень умному человеку. От этого в полдень стало значительно прохладней и не так хотелось пить.

Ободренный успехами, Шераварио поджег баню, после чего в тех краях практически перестали болеть желтухой.

С утра каждого дня Шераварио принимался за худые дела, чтобы сделать как лучше. Копал яму, куда оступился почтальон (укрепилась семья, уменьшились разводы), обливал водой с крыши прохожих (в целях улучшения успеваемости в школах), кричал ночью под окнами дурным голосом (коровы давали молока больше и охотнее).

Скоро дела пошли в городе на лад. И тогда Шераварио решил до-

биться глубокого постоянного личного счастья — выстрелил себе в лоб из пистолета.

На похоронах Шераварио благодарные горожане говорили о нем много плохого и от души. В заключение выступил Шубрик Первый.

— Все дело в том, что не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — сказал король и громко засмеялся.

ПОЧЕМУ КИПАРИС РАСТЕТ НА ЮГЕ

В редакцию пришло письмо от Шурочки К.: «Кончился бархатный сезон на Черноморском побережье. Мой друг Павел уехал в город-порт Мурманск, я вернулась на узловую станцию Орша. Хотелось бы узнать, почему кипарисы растут только на юге...»

Отвечаем тебе, Шурочка.

Легендарный юноша Кипарис случайно убил своего любимого оленя, посвященного нимфам, и так тосковал по нему, что Аполлон из жалости превратил его в дерево, дав ему возможность грустить вечно...

Так вкратце обстоят дела с дикорастущими посадками, а юг нашего Черноморского побережья украшен культурными кипарисами. Но в самом деле, отчего же только юг?!

Дело в том, что кипарис растет в основном ночью, точнее, поздним вечером, когда по набережной начинают гулять отдыхающие. Парапет ярко освещается электрическими эффектами, море наполняется белыми пароходами с бортовыми огнями, поглощая именно этот свет. кипарис совершает чудеса фотосинтеза.

Мягко шуршат волны невидимого моря, в глубине побережья, в потемках, идет торговля арбузами, высверкивает столовое серебро.

Откуда же эта грусть?

Впервые предстал перед глазами случайного наблюдателя, кипарис раскрывает тайну своей формы — она пирамидальна. Отсюда та грусть, с которой школьники, наделенные умом и сердцем, занимаются геометрией.

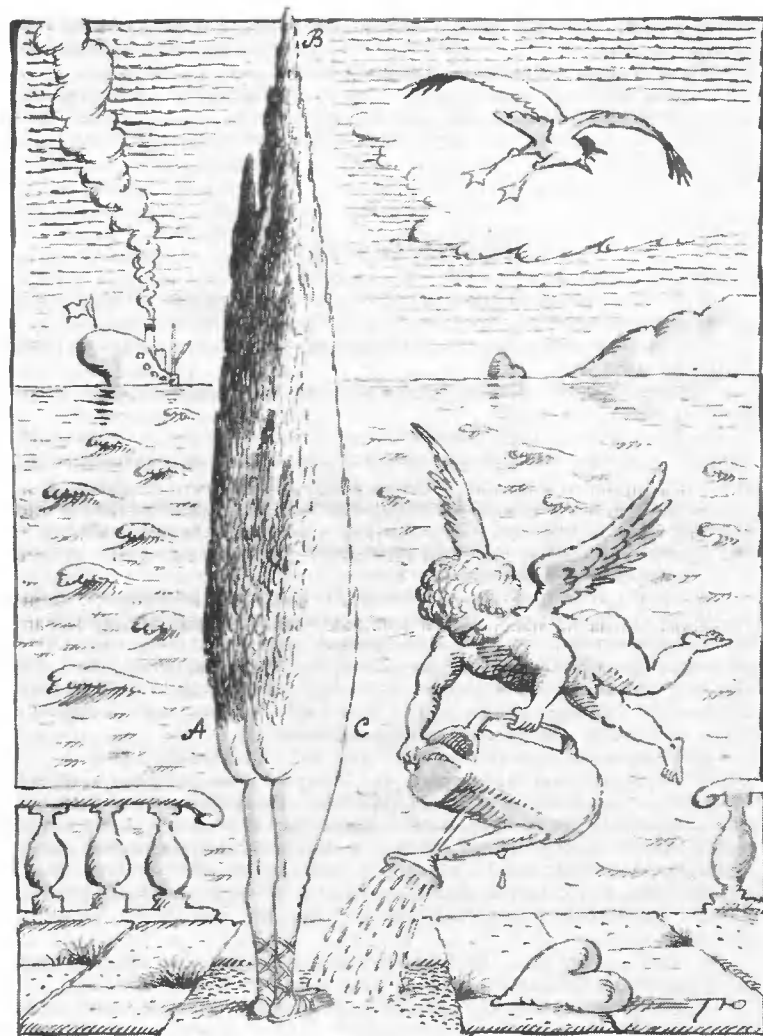
Звучит на набережной духовой оркестр.

Кипарис дышит листьями и может вдыхать только ветер, прилетевший с Эгейского моря под именем Борей.

Внизу, у подножия кипариса, дышат отдыхающие, именно там, в мельчайших легочных пузырьках — альвеолах, неслышно и незримо впитывается красной кровью кислород любви...

Но не является ли молодое чувство ошибкой? — приходит мысль.

Очень может быть. Невольно вспоминается образ знаменитого нату-

ралиста Карла Линнея, которого на многих портретах изображают с веточкой линнеи в руках, ошибочно отнесенной им к колокольчикам...

И уж если Линней так трагически ошибался...

В заключение хочется отметить, что кипарисы растут и в средней полосе, и значительно севернее, и даже плодоносят.

Местное население при виде этих плодов говорит: «Яблоки».

СТРЕЛОЧНИК

За столом сидели двадцать человек — члены комиссии. Перед столом стоял сутулый низкорослый мужичок с добрым побритым лицом.

— Рассказывайте, Прохор Иванович, все как было, — попросил председатель комиссии.

Прохор Иванович смял в руках форменную фуражку, зацепился глазами за потолок и начал:

— Проснулся я, отчего сам не знаю. Глянул на окно — сумерно. Но утром угадываю: в самый раз проснулся. Может, даже запозднился малость...

Пока баба моя печь залаживала, спустился я в погреб. Поднимаюсь с огурцом...

— Ближе к делу, — перебил председатель.

Оратор понимающе закивал:

— ...Съел чтой-то со стола. Оделся. Полушубок романовский. Валенки. Пораскидал снежок с крыльца — по крышу занесло — и пошел на линию. Иду, а самого мутит, видать, что-то не так съел. Однако как стрелку заприметил, в радость кинуло. Только к ей подошел, а экспресс уже голос подает, дескать, переводи меня, Проша, на туркестанскую магистраль. Ну, раз такое дело, взялся я за балансир, приналег и перевел.

— А дальше что? — спросил председатель.

— Дальше-то? — растерянно переспросил стрелочник. — Так...

— Позвольте мне напомнить, что было дальше, — загремел, вставая из-за стола, заведующий складом Мешков. — Вы, голубчик, так наловчились стрелки передергивать, что на моем складе обнаружена недостача целой партии отечественного вельвета, двух километров тканей оригинальных расцветок, ящичка гвоздей в экспортном исполнении, триста пар бутс для футболистов высшей группы и тонны югославского чернослива!.. Послушайте, куда вам столько! Вам же одному все равно не съесть!

— Что же это вы, Прохор Иванович? — поддержал председатель.

Стрелочник завздыхал, замялся и наконец решил оправдаться.

— Нечистый попутал, — сказал он с наивной верой в силу слова.

— А с Варламским как у вас вышло? — спросил председатель.

Стрелочник покосился на Варламского, нашел на полу паркетину поинтересней и начал:

— Как в вечер лег я на печь, так всю ночь и промаялся. Стреляет в бок, точно трехдоймовка какая. С интервалом стреляет. Баба моя и то говорит, чем так-то валяться, сходил бы на линию. поезд перевел, может, и полегчает.

Ладно, думаю, может, и отпустит. Надел полушубок, валенки. Только до стрелки доковылял, экспресс уже горло дерет, дескать. давай. Прохор, не зевай. Взялся я за балансир, подналег...

— Вот, вот! Взялся, подналег! — вскипел Варламский. — А зритель до сих пор ждет талантливой современной пьесы! Поймите вы наконец, Прохор Иванович, что нашей сцене как воздух нужны характеры яркие, своеобразные, полнокровные, а не ходули в пиджаках и сорочках! А так что же получается?! На словах вы «за», а на деле у нас в прошлом сезоне три премьеры, и все из загранжизни. Одна, другая, третья... А где наш современник? Где его жена?

— Действительно, — поддержал председатель. — Что же это вы?

Стрелочник покраснел.

— Нет! Пусть расскажет, как он Новоселова под монастырь подвел! — потребовал чей-то голос.

Стрелочнику, вероятно, стало отчасти все равно, и он даже с каким-то удовольствием откликнулся на это предложение:

— Вышел я на линию по летнему случаю без шапки. На что уж рукавицы у меня справные, и тех не захватил. Иду по путям, а вокруг цветы цветут, и на душе этак легко, такая благодать, что дай, думаю, поверну-ка стрелку получше.

В комнате наступила гробовая тишина.

Председатель встал и прерывающимся от волнения голосом сказал:

— Мы проиграли Уругваю ноль — один... Прохор Иванович, в этом виноваты прежде всего тренеры, футболисты и судьи, но ваше поведение, фактически определившее исход встречи незадолго до финального свистка, заслуживает соответствующих оргвыводов!

...Стрелочник вышел в коридор. Его обступил десяток людей в желто-коричневой форме.

— Ну как? — спросил один из них.

— За все отвечаю! — убежденно объяснил стрелочник. — Сказали, что вы ни за что не сомневался...

УКУС КОРОЛЕВСКОЙ КОБРЫ

Мы не пытались лгать друг другу и говорили то, что думали.

— Укус королевской кобры — это самое страшное, когда кто-нибудь кусает, — сказал он.

— У меня нет основания противиться этому утверждению, — сказал я.

— Укуса королевской кобры — вот чего бы я хотел избежать любой ценой, — сказал он.

— Перед падением она распускает кашюшон и раскачивается, — сказал я.

— И трещит, как трещотка, — сказал он.

— В настоящее время между нами и королевскими кобрами значительные расстояния, но обсуждение этого вопроса никак не назовешь излишним, — сказал я.

— Нет, мы не сказали ничего лишнего, — сказал он.

— Укус королевской кобры может сбить спесь с кого угодно. Слоны падают, как зяблики, наступив на монстра, — сказал я.

— Я пережил за свою жизнь достаточно жутких минут и настоящих кошмаров, но все они бледнеют...

— Мои тоже бледнеют, — сказал я.

— Единственное, что положила руку на сердце я могу сравнить с укусом королевской кобры, это...

— Боюсь, мне придется оспорить ваше грядущее заявление...

— Это укусы расвирепевшей королевской акулы за долгие мили от берега, в открытом море!..

Я не стал спорить.

ЗОЛОТАЯ ГРОЗДЬ ОПЫТА

Шутка

— Жизнь отдает свои богатства только человеку, исполненному жизненного опыта, — говорил своему собеседнику человек, съевший замечательную часть золотой грозди опыта.

— Да, это, так! Это так! — восторженно согласился его собеседник, игрой загадочных обстоятельств совершенно лишенный какого бы то ни было жизненного опыта.

— Золотая гроздь опыта — самая дорогая из тех гроздей, кои предлагает нам жизнь!..

— Верно, верно, верно...

— Кто переплывал моря во все времена и у всех народов?

— Я и сам об этом думал...

— Только лица, шедшие под парусами! Они ставили их таким образом, что ветер дул и надувал!

— Боже мой, все так!

— Ныне мы не в состоянии назвать сотни имен драматургов, чьи пьесы шли на сценах!

— Да, да.

— Имена забыты, но мы с уверенностью можем сказать: это они обрывали с золотой грозди опыта неоспоримые ягоды!

— Немыслимо! Именно так!

— До сих пор есть племена, не знающие стульев! Они сидят как придется и на чем попало. Иногда они убеждают себя, что можно прислониться...

— Они даже... прошу вас, продолжайте!

— Тысячи не знают, куда пойти посидеть вечером в городе... при тысяче мест, куда бы они могли пойти и посидеть...

— Они... они...

— Я долгие годы знаю одного человека, у которого болит мизинец на правой руке!..

— Вы никогда раньше... прошу вас, продолжайте.

— До сих пор во время наших встреч, когда он, говоря, жестикулирует, помогая себе руками, я вижу у него этот мизинец... И если спросить, не утрачено ли прежнее ощущение, связанное с ним, он, наверное, ответит, как отвечал тогда, — в безвозвратном прошлом...

— Болит!..

— Медь тяжелее слова, и те, кто об этом знает, имеют решающее преимущество!..

— Кусочек натрия в моей...

— А кому дарят свое сердце женщины?!

— Заклинаю вас...

— Они дарят свои сердца лишь человеку, съевшему львиную долю золотой грозди опыта!!!

— Овидий поет о том же...

— А птицы?!

— Это они парят под самыми облаками!!!

— Вот почему сегодня, в этот холодный осенний вечер, мне, как человеку, практически полностью съевшему золотую гроздь опыта, нечего посоветовать вам, человеку, совершенно лишенному загадочной игрой обстоятельств какого бы то ни было жизненного опыта!!!

ПАДЕНИЕ КАРФАГЕНА

На экзамене по истории перед профессором сел задумчивый молодой человек и посмотрел на него глубокими, печальными глазами.

— Какой у вас вопрос?— спросил профессор.

Студент тихо придвинул ему листок с отпечатанным вопросом и печально прикрыл ладонью глаза.

— Падение Карфагена,— прочитал вслух профессор.

Молодой человек скорбно кивнул головой.

— У вас что, дома неприятности? Случилось что-нибудь?— спросил профессор.

— Дома все нормально,— печально ответил студент.

— Тогда в чем дело?

Студент перевел взгляд, исполненный грусти, на билет с вопросом «Падение Карфагена».

— Ах, вы из-за этого! Из-за падения Карфагена!— растроганно удивился профессор.

Молодой человек кивнул.

— Ну, голубчик, нельзя же так все горячо принимать к сердцу. В истории было много катастроф, потрясений. И Сиракузы пали.

— И Сиракузы!— повторил, словно эхо, студент, и на его чистое лицо легла дополнительная печаль от падения Сиракуз.

— Я вам советую в такие минуты думать о светлых страницах в истории Карфагена, связанных с Пуническими войнами. Вспомним, например, битву при Каннах.

— Вспомнил,— повторил студент, и на его чистое лицо легла тень смутных и неясных воспоминаний.

— Прекрасная победа Ганнибала. Правда, в результате второй Пунической войны Карфагену пришлось отказаться от всех владений в Испании.

Услышав об этом, студент тут же погрузился в мрачное, безысходное состояние, и профессор, внутренне крепко отругав себя за бестактность, принялся выводить его оттуда:

— Но все-таки Карфаген был еще силен на суше и на Средиземном море. Правда, после поражения Карфагена в войне с нумидийским царем Масиниссой...

— Масиниссой...— не без труда повторил студент и снова исчез в омуте тоски. Вызволить его оттуда дальнейшим ходом исторических событий было уже невозможно совершенно, и профессор как можно мягче и деликатнее стал успокаивать молодого человека.

— Что ж делать, голубчик. Рим не упустил возможности расправиться со своим могущественным противником— из песни слова не выкинешь. В сто сорок девятом году началась трехлетняя осада Карфагена.

Плечи студента вздрогнули, как голуби на подоконнике.

—...Под руководством Сципиона Африканского Младшего.

— Африканского Младшего.— повторил студент со дна омута все-ленской печали.

— Что мне вам рассказывать, что было дальше.— тяжело вздохнул профессор.

— А вы расскажите.— тихо попросил студент.

— Город был разрушен. Часть территории продана нумидийцам, часть превращена в Римскую провинцию Африки. А вам я ставлю пятерку за глубокое сочувствие к падению Карфагена. Быть может, это событие послужит вашему утешению.

— Послужит, послужит!— радостно вскрикнул студент и вынес зачетку из аудитории на вытянутых руках...

АЛЬБАТРОС

— Вот яму надо выкопать,— сказал прораб двум землекопам, Аглашенному и Терехину.

— Зачем?— удивился Аглашенный.

— Яма нужна,— объяснил прораб.

— Кто сказал?— поинтересовался Аглашенный.

— Я говорю.

— Очень маленькая?— вступил Терехин.

— Три на два и на два в глубину.

— С головой уйдем,— сообразил Терехин.

— К концу сентября и управимся,— прикинул Аглашенный.

— Чтобы сегодня сдать яму в строй действующих. Приду проверю,— пообещал прораб.

— Слушай, Степан,— остановил прораба Аглашенный.— Давно тебя спросить хотел: ты про альбатросов ничего не слыхал?

— Нет, а что говорят?

— Альбатрос— это птица такая огромная.

— Ну?

— В метр, а размах крыльев у него три с половиной метра.

— Врешь?— догадался прораб.

— Ты дальше слушай. Она, Степан, из семейства буревестников!

— Вот всегда ты так, Аглашенный, с тобой нельзя по-человечески!

— Я тебе честно говорю, Степа, из буревестников. Вот Терехин подтвердит.

— Истинно, истинно.— подтвердил Терехин.

Прораб смял в руках кепку и приготовился слушать дальше.

— И вот, Степа, такая пернатая машина с безумным размахом крыльев надумает вдруг лететь...

— Так,— охнул прораб.

— Степа, она с места никогда не взлетит. Буревестнику разбег полагается сто пятьдесят метров.

— Аглашенный!— пригрозил прораб.

— Точно, Степа, ты подумай. Это же самолет природы. Вот и на что Терехин, а подтвердит.

— Истинно, истинно,— подтвердил Терехин.

Прораб бросил кепку о землю и закурил.

— И вот, Степа, не хотел тебе этого говорить, но придется. Разбегается этакая альбатросина в южном полушарии и взлетает под самые небеса, и кружит по поднебесью, и кружит, кружит. Парит, Степа. И что же ты, любезный мне человек, думаешь, она потом вытворляет?

— Смотри, Аглашенный,— предупредил прораб.

— Она, Степа, не говоря худого слова, облетает земной шар недели за две, а то и раньше.

Прораб оторвал от себя пуговицу.

— Ну, Аглашенный, дай тебе палец, ты всю руку отхватишь.

— Степа, а что ж ты от буревестника хочешь? Вот и Терехин...

— Истинно, истинно,— с восторгом подтвердил Терехин, как будто сам только что проальбатросил вокруг голубой планеты.

Прораб успокоился, надел кепку и спросил:

— А чего ты мне про альбатроса рассказывал?

— Степа, я к тому, что на большие дела и разбег большой. Нельзя же сразу копать три на два и на два в глубину.

— Постой. Ты его сюда не мешай. Альбатрос— жар-птица, согласен. Буревестник, одним словом, но ты же, Аглашенный, не альбатрос. Так что взяли и откопали.

Прораб ушел.

— Не альбатрос,— обидчиво повторил Аглашенный.— А мечта у человека должна быть? Скажи, Терехин?

— Истинно, истинно.

Звякнули лопаты.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. О повести Николая Исаева «Почетная шуба»	2
ПОЧЕТНАЯ ШУБА. Повесть	4
СОБАКЕ — СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ	28
КАК ХОРОШО! КАК ПРИВОЛЬНО!	31
СТОИТ ТОЛЬКО НАЧАТЬ	34
КАК ПИСАТЬ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ТАНГО	35
ГДЕ НАЙДЕШЬ, ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ	37
ПОЧЕМУ КИПАРИС РАСТЕТ НА ЮГЕ	38
СТРЕЛОЧНИК	40
ЗОЛОТАЯ ГРОЗДЬ ОПЫТА	42
ПАДЕНИЕ КАРФАГЕНА	44
АЛЬБАТРОС	46

ИСАЕВ Николай Павлович

ПОЧЕТНАЯ ШУБА

Повесть и рассказы

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Слано в набор 16.12.88. Подписано к печати 02.02.89.
А 00222. Формат 70 × 108^{1/4}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,45. Уч.-изд. л. 3,16. Тираж 75000.
Заказ № 3528. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

©Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила, 1989.

Обыкновенно шуточные биографии юмористических писателей пишутся примерно так: если родился, то обязательно в Ленинграде, и уж раз это произошло, то непременно в 1949 году.

И дальше — пошло-поехало. Раз начал печататься, то обязательно сначала в «Вечернем Ленинграде», а затем в «Ленинградской правде».

И если и учился чему-либо, то обязательно в Москве в Литературном институте или там на Высших курсах сценаристов или Высших Театральных...

А служил в армии — так в Советской и под Минском.

После чего обыкновенно прибавляют названия написанных книг, что-то там типа «Гений на островах» издательства «Молодая гвардия» или «На верхней полке». 1987 г. «Современник».

А когда уже совсем нечего вспомнить и юмористическая интонация почти затихает, вспоминают, что являются членами Союза писателей СССР и это более-менее скрашивает общую ситуацию и придает ей оттенок некоторой веселости.

Комический жанр является по своей природе глубоко традиционным и консервативным, в чем, надеюсь, убедятся читатели этой книги. Поэтому не будем отступать от сложившегося обыкновения писать шуточные биографии. Поступим именно так, а никак иначе!

«Вне проторенных дорог нет счастья» — Монтень.

Все так, маэстро. Все до сих пор так...